

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the right, has a beard and is wearing a dark suit with a tie. The woman, on the left, has long brown hair and is wearing a dark blue top. The background is a blurred city street at night.

НЭНСИ
НАЙТ

ИЗМЕНА

ТАЙНАЯ ДОЧЬ МУЖА

Нэнси Найт

Измена. Тайная дочь мужа

Серия «Измены», книга 5

<https://litres.ru/70799083>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Шесть долгих лет ты скрывал свою дочь от другой женщины, — в неверии мотаю головой. — Почему же сейчас ты привёл её в наш дом?

— Я хотел сохранить эту тайну навсегда, — муж нервно трет переносицу и добивает: — Но ее мать слетела с катушек и больше не может воспитывать дочь. Поэтому девочка теперь будет жить с нами.

— Ты это серьезно? — шокировано шепчу я.

— Абсолютно, — отвечает твердо. — И не нервничай напрасно, тебе надо беречь себя. К тому же у девочки сегодня день рождения. Давай не будем портить ей праздник...

Сегодня я должна была увидеть нашего малыша на первом УЗИ. Но вместо этого встретила с шестилетней дочерью мужа. От другой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	56
Глава 11	64
Глава 12	69
Глава 13	76
Гла	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Нэнси Найт

Измена. Тайная дочь мужа

Глава 1

— Кать, ты только не волнуйся, — первое, что произносит муж, появившись на пороге нашего дома с девочкой лет четырех на руках.

Впервые ее вижу. Кто она?

От одного взгляда на ребенка сердце кровью обливается и сжимается в комок. Темные волосики взъерошены и спутаны, личико грязное, а над верхней губой засохшая ранка. Из одежды на ней лишь драные колготы и заношенное розовое платьице в пятнах, висящее мешком на ее худощавом тельце.

Потерялась? Или бесчеловечные родители просто выбросили несчастного ребенка на улицу?

— Леш, что случилось? — нетерпеливо спрашиваю я, потому как сам муж не торопится объяснять.

— Давай присядем, Катюш, — надломлено просит он, и я киваю, торопливо шагая следом за ним в гостиную.

Муж усаживает девчущку на диван и включает ей телевизор:

— Посиди тихонько здесь и посмотри мультики. А я скоро вернусь.

— Леш, ну какие мультики? Надо же для начала узнать, все ли у нее в порядке, — с упреком произношу я и опускаюсь на колени перед девочкой. — Милая, ты как себя чувствуешь? У тебя что-нибудь болит?

Девочка лишь медленно качает головой, молчаливо глядя на меня отреченным взглядом. Вжимается в диван и подтягивает колени к груди.

Она совсем не похожа на испуганного ребенка. Скорее, на одичавшего. Или у нее просто шок.

А вот я сама напугана до ужаса. Потому что пока не понимаю, что делать дальше.

— А кушать хочешь? Ты голодная? — продолжаю я, натягивая доброжелательную улыбку.

Недоверчивый взгляд карих глаз меня пугает. Такой чужой и в то же время такой знакомый.

— Хватит, — раздраженно бросает Леша, берет меня за руку и настойчиво поднимает на ноги.

— Куда ты меня ведешь? — непонимающе спрашиваю его. — Разве можно ее сейчас бросать одну?

— Ничего с ней здесь не случится. А нам нужно срочно поговорить, — непоколебимо отвечает он и тащит меня на кухню.

— Хорошо-хорошо, сейчас поговорим, — киваю я и бросаюсь к хлебнице. — Я ей хотя бы перекусить дам и вернусь.

Хватаю булочку, возвращаюсь в гостиную и протягиваю угощение ребенку:

— Держи, покушай. Она с корицей, но, надеюсь, тебе понравится. Вчера сама пекла.

Девочка смотрит на меня исподлобья и нерешительно берет угощение из моих рук. Пару секунд раздумий, и она жадно вгрызается в булку, заталкивая ее в рот чуть ли не наполовину.

— Приятного тебе аппетита, — с дружелюбной улыбкой протягиваю я, хотя улыбаться мне сейчас совсем не хочется. — Я немного позже освобожусь и покормлю тебя еще чем-нибудь.

С этими словами я оставляю девочку одну и иду на кухню к мужу. Сажусь за стол напротив него и спрашиваю с волнением:

— Ну, Леш, рассказывай. Где ты ее нашел? В полицию уже позвонил?

— Хватит задавать вопросы. Просто выслушай меня, — по слогам произносит он и сжимает губы в тонкую линию.

Задумчиво молчит и смотрит на меня тяжелым взглядом. А во мне беспокойство все сильнее нарастает от непонимания происходящего.

— Выслушаю, ты только не молчи, — прошу его. — Я уже начинаю волноваться.

Он часто кивает, стиснув челюсти, и наконец, произносит шокирующие слова:

— Нигде я не находил эту девочку. Она моя дочь.

Рванный вздох вырывается из груди. Я в ступоре от такого

заявления.

Это шутка какая-то? Если так, то совершенно неудачная.

— Ты ведь знаешь, мне нельзя переживать, — хмурюсь я и накрываю ладонью еще совсем плоский живот. — Дело серьезное, а ты вздумал шутки шутить.

— Катя, это не шутка, — с раздражением отвечает Леша.

Но я по-прежнему ему не верю. Он ведь бред какой-то несет! И в голове моментально возникает мысль, которая может все это оправдать.

— Ясно, — вздыхаю я. — Это из оперы ваших тренингов по сплочению, или как его там? Проверку мне решил устроить? Прямо как Лесневский своей жене, когда прикинулся умирающим. Ну точно, это он подбил тебя на эту чушь, — качаю головой.

— Кать...

— Я, конечно, вообще не ожидала от тебя такого. Только ты, Леш, вообще не вовремя решил этим бредом заняться. Сегодня первое УЗИ нашего малыша, а ты... — поджимаю губы и чувствую, как подбородок трясется. — Мне и так страшно. Я ведь второй выкидыш не переживу. А ты еще заставляешь меня нервничать.

— Прости, — качает он головой, стиснув челюсти. — Ты права, я должен был сейчас думать только о нашем ребенке.

— Ладно, давай не будем сейчас из-за этого ругаться. Не хочу портить такой важный день.

Леша молча встает из-за стола и уходит.

— Ты куда?

— Отвезу ее обратно, — бесцветным голосом отвечает он.

Делает еще шаг и застывает на месте. Сжимает кулаки до побелевших костяшек и шумно выдыхает.

— Нет, не могу, — хрипит он, покачивая головой, и разворачивается ко мне. — Я не могу вернуть девочку матери. Ей там плохо.

Плохо? Не может вернуть?

Перед глазами вновь всплывает образ девочки, и по спине пробегает озноб.

И как мой мозг мог подкинуть идею, что все это розыгрыш? Даже если допустить, что одежда и прочие мелочи всего лишь для образа, то ребенок явно выглядит истощенным, забитым и несчастным.

Умом я с самого начала понимала, что мой Леша не идиот, чтобы затевать подобную игру для какой-нибудь дурацкой проверки. Но я физически не могла допустить мысли, что он может говорить правду. И фантазия сама подкинула бредовую идею.

— Это моя дочь. Моя настоящая дочь. Прими уже этот факт, — вновь повторяет Леша, не оставляя места сомнениям. — Я понимаю, что совсем не время сообщая об этом, но так вышло. Я не мог оставить ее с матерью.

— Твоя дочь от другой женщины? — спрашиваю я, и тело пробирает дрожь.

Не знаю, зачем я вообще произнесла вслух эту совершен-

но очевидную вещь. Мне будто это было необходимо, чтобы до конца осознать реальность.

— Только не нужно волноваться, тебе это сейчас ни к чему, — произносит Леша и опускается обратно на стул напротив. — Давай просто спокойно обо всем поговорим.

Молча хлопаю глазами, пребывая в полном ступоре. В голове миллион вопросов и в то же время полная пустота. А в душе вообще непонятно, что твориться.

— Сколько лет этой девочке? — севшим голосом выдавливаю из себя.

— Сегодня исполнилось шесть, — отвечает муж, окончательно добивая меня своими словами.

Глава 2

Я просто отказываюсь верить во все это! Но цифры говорят сами за себя. Почти семь лет назад мой муж обрюхатил свою любовницу! Он изменил мне и именно в тот момент, когда мир рушился под моими ногами, затягивая в бездну отчаяния и безысходности.

Я думала тогда, что нам обоим было тяжело, что муж страдал не меньше моего. А оказалось, что плохо было только мне. И вместо того, чтобы поддерживать меня, мой муж кувыркался с другой...

Казалось, будто все беды обрушились разом на нашу семью. Все началось со смерти моей матери... Тогда были праздничные дни, но я решила не ездить к ней и остаться дома со своей семьей, потому что муж с дочкой наотрез отказывались снова ехать к ней. Ведь каждый приезд приводил к пьяным выходкам мамы, истерикам и ссорам.

Сколько себя помню, она всегда пила вместе с отцом. И даже говорить не надо, какое у меня было детство. Почти ежедневные сборы алкашей в нашей квартире, крики, потасовки... В доме грязь и бесчисленные бутылки.

И эти самые бутылки были единственной моей радостью, если так можно вообще сказать. Я их мыла, сдавала и могла хоть иногда купить себе что-то вкусное. Потому что мои родители никогда меня не баловали, разве что каким-нибудь

дешевым пирожным на день рождения.

У нас в семье было прямо как в анекдоте:

«Папа, я хочу мороженое!»

«Я тоже хочу мороженое, сынок. Но денег у нас только на водку»...

Отец умер от рака желудка, когда мне было пятнадцать. Врачи сказали, что все из-за алкоголя, но он до последнего не переставал пить.

Но даже смерть отца маму не образумила. Она запила еще сильнее, заводила отношения со своими собутыльниками... Мне даже домой не хотелось приходить.

И как только я окончила школу, то без оглядки бежала от мамы в столицу. Думала, что даже если поступить никуда не смогу, то буду работать где угодно, лишь бы не возвращаться домой.

Но я поступила в отличный университет, получила общежитие и уже на первом курсе познакомилась с Лешей. С тех пор мы больше не расставались.

Когда у меня появилась финансовая возможность, то я не раз пыталась закодировать маму. Но все было бесполезно. Говорят, что женский алкоголизм самый страшный и, видимо, не зря.

И все это привело к логичному исходу — мама умерла. Одна в своей квартире среди кучи бутылок. Захлебнулась в собственной рвоте.

Я не могу сказать, что ее смерть оказалась для меня

неописуемой трагедией. Да, было тяжело, но я будто не самого родного человека потеряла, а просто кого-то знакомого. Любви от родителей я никогда не видела, только проблемы и горе. Возможно, поэтому я и сама перестала к ним пылать теплыми чувствами.

Но смерть мамы стала будто отправной точкой к прочим бедам. У Лешки начались серьезные проблемы на работе. Бизнес рушился, надо было его спасать. Мужа я тогда почти не видела, он с утра до ночи торчал на работе. Но я изо всех сил старалась отнестись к этому с пониманием, ведь иначе мы бы все потеряли.

Затем дочь будто подменили. Из примерной и послушной девочки она превратилась в неуправляемого звереныша. Я, конечно, понимала, что у Юли начался подростковый период и с этим ничего не поделать. Но тогда же я была беременна вторым ребенком, и у меня просто не хватало сил и нервов на выкрутасы дочери.

А потом случилось самое страшное — выкидыш на середине срока, который разбил меня на части. Мы с Лешей к тому времени уже успели придумать нашей второй дочке имя, купить для нее вещи, комнату подготовили...

В тот момент на меня обрушилась бетонная плита и раздавила. Казалось, будто душу вырвали вместе со всеми внутренностями, а оболочку оставили.

Очень тяжело было после такого оправиться, поэтому я не хотела снова беременеть ни через год, ни через два, ни поз-

же... Вообще не допускала мысли, что мы снова попытаемся завести второго ребенка. Да и Леша был со мной солидарен.

Но еще через пару месяцев после выкидыша случился перелом в наших отношениях с мужем. Он все так же пропадал на работе, а когда появлялся дома, мы страшно ссорились по поводу и без. Казалось, что я просто сойду с ума от тяжести всех проблем, что свалились на меня!

В разные годы у нас случались с Лешей трудные периоды, и все мы пережили, сохранили брак. Я читала, что все пары со временем сталкиваются с проблемами из-за переосмысления ценностей, каких-то разочарований в своей жизни и прочих вещей, которые меняют обоих.

Я все списала на эти умные причины и не видела других. А, может, просто не хотела замечать, потому что и так было смертельно тяжело.

Оказывается, все было куда проще и зауряднее. У моего мужа тогда просто появилась любовница!

Это с ней он проводил свободное время, пока я утопала в горе и хотела утешения в объятиях мужа. А он... Он утешал себя с другой и лгал, что занят работой. А теперь плод тех отношений сейчас сидит в нашей гостиной и смотрит мультики.

— Как долго это продолжается? Семь лет? Или еще дольше? — болезненным голосом спрашиваю я.

Муж смотрит на меня ошалевшими глазами, будто не понимает смысла моего вопроса:

— Что продолжается?

— Твоя измена. Как долго у тебя вторая семья?

— Семья у меня только с тобой. Другой нет и не может быть, — твердо произносит он.

— А эта девочка? — киваю в сторону гостиной и горько усмехаюсь. — Она ведь не с неба свалилась?

Уж лучше бы с неба. Но такого не бывает.

— Это была ошибка, о которой я жалею до сих пор, — произносит он со злобой и трет кончиками пальцев одной руки о тыльную сторону ладони другой.

Он всегда так делает, когда нервничает. За восемнадцать лет брака я его досконально изучила. Вернее, думала, что изучила и знаю о нем все. Но очень сильно ошибалась. Знала я только то, что мне позволяли знать...

— Ты ребенка называешь ошибкой? — вскидываю бровь от формулировки, которая режет слух.

— Нет. Она следствие моей ошибки, — выдыхает он и опускает взгляд. — Я даже не подозревал о ней до ее рождения. Если бы узнал раньше, то...

— Потребовал бы сделать аборт? — заканчиваю фразу за него.

— Именно. Но меня не поставили в известность вовремя, не оставили выбора.

— То есть ты настолько бессердечный, что хладнокровно потребовал бы убить невинного ребенка? Собственного ребенка, — качаю головой, не веря, что мой муж смог бы так

поступить.

— А ты считаешь это нелогичным? — его переполняет возмущение. — Я не планировал заделывать ребенка, не собирался его растить, обеспечивать и быть частью его жизни. Это просто была минутная слабость для нас обоих, не более!

— Когда лезешь на женщину, надо понимать, какие это может повлечь последствия. И нести ответственность за свои решения.

— И я ответственно подошел бы к решению проблемы до ее появления, если бы вовремя обо всем узнал, — жестко отрезает он.

Глава 3

Избавиться от собственного ребенка — это выше моего понимания. Неужели мужчины настолько отличаются своим мышлением в таких делах?

— Она же твоя дочь. Твоя кровь и плоть, — с упреком произношу я. — Как ты можешь говорить, что избавился бы от нее?

— Тебе кажется это бессердечным? — хмурится он. — А разве разумнее породить на свет ребенка, который никому в итоге и не нужен? Что, собственно, мать-идiotка и сделала, — тяжело выдыхает, продолжая тереть руку до красноты. — Бессердечность тут вообще ни причем. Я же говорю не о полноценном живом человеке, а о только что зародившемся эмбрионе. Это совсем разные вещи.

Может, Леша в этом и прав. Но мне, как матери — любящей матери, сложно с этим согласиться. Я в принципе не могу рассуждать в ключе, что ребенок может быть ненужным и нежеланным.

Но я понимаю, что не все такие, как я. И если вспомнить моих родителей, то я ведь им явно была не особо-то и не нужна. Да, они меня кормили, одевали, отдали в школу... Но это, скорее, была не забота, а неприятная необходимость. Иначе я бы не росла, как сорняк в огороде, предоставленная сама тебе. И если судить по тому, как выглядит дочь моего

мужа, то оно растет точно таким же сорняком, вовремя не выполотым.

— И кто же эта женщина? Кто мать этой девочки? — спрашиваю я.

— Это сейчас уже неважно, — качает он головой, и я тут же понимаю, что знаю ее, иначе бы Леша не увиливал от ответа.

— Скажи, кто она, — настойчиво произношу я, но голос предательски дрожит. — Раз уж ты через столько лет решил ошарашить меня такой новостью, то я хочу знать все!

— Моя бывшая помощница. Лиза, — нехотя отвечает муж, и у меня моментально озарение наступает.

Он ведь фактически жил тогда на работе, даже спать иногда домой не возвращался. А я была слепой и бестолковой дурой, которая даже не подумала о том, что у него интрижка на работе.

— Выходит, ты плел мне сказки, что у тебя много работы, и ты не можешь приехать домой, а на самом деле проводил ночи со своей секретаршей? — задыхаюсь от возмущения и желания перевернуть весь дом к чертям. — В то время, когда я переживала потерю нашего малыша и с трудом управлялась с дочерью-подростком!

— Нет, не так все было, — снова отрицательное покачивание головой.

— А как тогда? Как, Леша?!

— Да вот так! — вмиг взрывается.

Он силой бьет кулаком по столешнице, заставляя меня содрогнуться в страхе. Вжимаюсь всем телом в стул и стискиваю пальцами мягкий подлокотник, впиваясь в него ногтями.

— Я не врал тебе о работе! И, да, у меня случилась интрижка! Не только тогда было плохо, но имне! Я был и так вечно на взводе, а дома... Дома ты ходила привидением и не видела ничего, кроме своих переживаний! Будто ты одна потеряла ребенка!

— Ты мне сейчас смеешь говорить о том, что я переживала горе не так, как тебе хотелось? — с огромными от ужаса глазами спрашиваю я. — Мне нужно было забыть о своих переживаниях и думать только о тебе, жалеть тебя? А меня ты жалел?!

— Да, жалел! Но это не могло продолжаться вечно! Ты же превратила нашу жизнь в сплошной траур! Только тебе же плохо было, да? А на мои проблемы тебе было совершенно насрать! Да какие там проблемы? Мы не могли даже время нормально вместе провести, просто поддержать друг друга! А секса у нас сколько месяцев не было, помнишь?

Он делает паузу, будто ждет от меня понимания, которого не будет.

Смотрит на меня шокированную меня со злостью, но медленно приходит в себя.

— Прости, что накричал. Ты ведь не виновата ни в чем... — тяжело вздыхает и закрывает лицо ладонью. — Но я про-

сто так больше не мог. Не выдержал, сорвался. Я не хотел этого, не собирался тебе изменять и не искал возможности. Но это все же произошло.

— Минутой назад ты прямым текстом обвинил во всем меня, а теперь просишь прощения и говоришь, что я не виновата? — горько усмехаюсь я. — Ты хоть определись в своих показаниях.

— Я не хотел тебя обвинять, прости. Просто пытался донести, что не одной тебе было тяжело. И если тебе необходимо было замкнуться в самой себе и быть неприкасаемой, то мне нужно было твое тепло и любовь. Нужна была близость. А вот тебе нет. Совсем.

— Мне тоже нужно было твое тепло и поддержка. Но ты прав, не близость. Как можно вообще думать о сексе, когда на душе нескончаемая боль?

— Кать... Это же длилось не месяц, и даже не два. То, что происходило с тобой, перешагнуло за рамки всех норм. Я хотел жить дальше, вернуться к прежней жизни. А ты нет. И я понимаю, ты не хотела секса, но мне он был необходим! И я говорил тебе об этом, но ничего не менялось. Что мне оставалось делать, застрелиться? — смотрит на меня с напряжением и давит свою злость. — Поэтому прошу тебя, не делай из меня корень зла. Не вини за то, что не смог больше держать себя в руках и сорвался.

— Так сорвался, что с одного раза заделал ребенка? — горько усмехаюсь, потому что это больше похоже на сказку,

чем на реальность.

— Нет, не с одного. Но это длилось недолго, — вновь опускает взгляд и делает паузу. — Кать, я прекрасно понимал, что из-за этого могу тебя потерять. Поэтому решил закончить все поскорее и попросил ее уволиться. Она не была против. Согласилась с тем, что для всех так будет лучше.

Молча разглядываю деревянные узоры на столешнице и пытаюсь воспринять ту информацию, что на меня только что вывалил муж.

— Кать, не молчи, — просит Леша и через стол тянет ко мне руку, но я свою одергиваю машинально.

— Лучше сходи в гостиную и проверь, как там твоя дочь, — с трудом выдавливаю из себя последние слова. — А мне нужно немного побыть одной и подумать обо всем.

— Хорошо, — кивает и уходит с кухни.

Его тяжелые шаги тревожным эхом отдают в груди и бьют по перепонкам. Закрываю лицо ладонями и тихо скулю, ныряя в пропасть отчаяния. Не могу поверить, что все это происходит со мной...

Глава 4

После моего выкидыша мы с Лешей всегда предохранялись. Я была очень дотошной в этом плане, потому что боялась новой беременности и не хотела снова испытывать судьбу.

Однако она все же внесла свои коррективы. Юля едва успела поступить в университет и съехать от нас, как вдруг я узнала о том, что беременна.

В тридцать восемь такого обычно не ждешь и не планируешь, ведь с возрастом и беременность протекает тяжелее, выше риск родить нездорового ребенка, да и роды могут быть с осложнениями.

Мне было страшно, когда я сделала тест. Но когда рассказала о беременности Леше, то будто камень с души упал. Он был очень рад этой новости, поддержал меня, заверяя, что все обязательно будет хорошо.

Возможно, в глубине души мы ждали, что это случится само собой. Потому что осознанно не могли уже принять такое решение. По крайней мере я, хранящая в своей памяти и душе боль от прошлой потери.

А теперь я сижу и не понимаю, что делать дальше. И это такая ирония... Я с таким трепетом ждала сегодняшнего дня, чтобы впервые увидеть уже сформированного человечка — нашего с Лешей ребенка на экране аппарата УЗИ. А

вместо этого увидела его шестилетнюю дочь от другой женщины.

Я не знаю и не понимаю, что должна чувствовать сейчас, после такой новости. Логичной была бы боль от предательства, горечь, разочарование в муже и нашей семейной жизни... Умом я понимаю, что должно происходить сейчас со мной, но всего этого нет. Только шок оттого, что я совершенно не была готова к такому повороту.

И от этого я ощущаю себя потерянной и слабой. Что мне вообще делать сейчас? Устроить мужу истерику за то, что когда-то давно изменил мне и скрыл ребенка? Собрать шмотки и уйти в никуда, хлопнув дверью? Попытаться выставить из дома мужа вместе с его дочерью?

Я не хочу всего этого, только не сейчас. У меня просто нет сил на это.

Меня будто только что живьем препарировали и наблюдают за тем, что я теперь буду делать. Но я и сама не знаю. Но лежать на столе и просто ждать, пока отдам богу душу, точно не вариант.

Жаль ли мне девочку? Безумно. Я только ее увидела, а сердце уже было не на месте. И это не изменилось после того, что я узнала. Ребенок ведь не виноват, что рос без отца, а матери был не нужен. Вот только мне совсем неясно, почему тогда эта Лиза вообще решилась рожать? Слишком поздно узнала, или что? Или же изначально она была нормальной матерью, но потом что-то пошло не так?

Понимаю, что это странно, но сейчас меня больше волнует судьба девочки, а не моя собственная. Может, это просто попытка убежать от семейных проблем, которые мне в любом случае придется решать. Но не сейчас. Сейчас не хочу.

Однако есть еще один ребенок, о котором я сейчас должна думать — мой собственный ребенок, в моем животе. И мне в любом случае нужно съездить на УЗИ, только теперь это не будет радостным событием, в котором мы вместе с Лешей будем держаться за руки и с умилением смотреть на монитор аппарата. Теперь я не хочу ехать вместе с ним. Только не после открытия его многолетней тайны.

Но сегодня я уже не поеду. Нет ни моральных, ни физических сил. И ничего не изменится, если я отложу обследование на пару дней. К тому моменту я немного приду в себя и хотя бы буду понимать, что вообще происходит.

— Она уснула, — тихо отзывается Леша, вырывая меня из размышлений.

— Телевизор ей выключил? — на автомате спрашиваю я.

Прямо флешбэки из прошлого. Когда Юля была маленькой, то частенько засыпала днем под мультики. Леша мог подойти, укрыть ее пледом, но телевизор никогда не выключал, мотивируя тем, что это только ее разбудит.

А я вечно спорила с ним на эту тему, пыталась донести, что резкие звуки могут разбудить дочь. И вроде бы он в итоге согласился со мной, ну или просто устал спорить. Но телевизор все равно выключал через раз.

— Нет, не выключил, — отвечает он и занимает прежнее место за столом.

Ну вот. До сих пор ничего не изменилось.

— Как знаешь, — пожимаю плечами и остаюсь на своем месте, потому что сон чужого ребенка волновать меня не должен.

— У тебя появились еще какие-то вопросы ко мне? — спрашивает муж.

— Да их миллион! Но, может, ты сам мне что-то хочешь сказать?

— Я люблю тебя, Кать, очень сильно, — отвечает с легкой и грустной улыбкой. — Всегда любил и буду любить. Я совершил ужасную ошибку и понимал, что если ты узнаешь, то это будет конец. Я не хотел терять тебя, разрушать семью. И сейчас не хочу этого.

— Шесть долгих лет ты скрывал свою дочь от другой женщины, — мотаю головой. — Почему тогда сейчас решил открыть мне правду, если понимал, чем все может обернуться? И не просто рассказал. Ты привел своего ребенка в наш дом!

— Я хотел сохранить эту тайну навсегда, — муж нервно трет переносицу и добивает: — Но ее мать слетела с катушек и больше не может воспитывать мою дочь. Поэтому девочка теперь будет жить с нами.

— Ты это сейчас серьезно? — шокировано шепчу я.

В моей едва соображающей голове даже мысли не было, что именно для этого он ее сюда привел. А теперь просто

ставит перед фактом.

— Абсолютно, — отвечает твердо. — Только успокойся и не нервничай, тебе надо беречь себя.

— С ума сойти, — в неверии протягиваю я. — Не заикайся даже о моем спокойствии, потому что ты сам его нарушил! И о моих нервах нужно было думать до того, как привел девочку сюда. Сам так решил, или Лиза?

— Она ничего не решала. И не будет. Я был вынужден забрать ребенка, потому что испугался за ее жизнь. Иначе бы никогда так не поступил.

— О чем ты говоришь? — непонимающе спрашиваю у него и хмурюсь. — Она угрожала ей чем-то?

— Не совсем... — протягивает он задумчиво, подбирая слова. — Я просто пришел подарить ей подарок на день рождения, как делаю каждый год. Но возле двери услышал дикие крики Лизы и рев девочки. Она плакала, вопила, что ей больно, просила маму перестать... Я это слушал всего несколько секунд, но...

Он делает паузу, с трудом вспоминая этот момент. А мне и самой страшно и жутко это слушать. Картина истязаний ребенка тут же рисуется в моей голове, выворачивая душу наизнанку и заставляя все тело содрогнуться.

— Я никогда не пылал к ней отцовскими чувствами, воспринимал как обычную девочку, которую взялся обеспечить...

— Однако встречался с ней, — перебиваю его. — Гулял,

в парки водил...

— Нет, — отрезает Леша. — За всю жизнь я видел ее всего шесть раз. Просто приходил посмотреть, как она живет с мамой и дарил подарок. Все. Она даже не знает, что я ее отец.

— Подожди... То есть ты забрал ребенка, для которого ты просто чужой дядя? Эдакий Дед Мороз, который приходит на дни рождения?

— Именно, — отвечает твердо. — И вряд ли она сильно обрадуется, что теперь будет жить здесь. Зато не рядом с обезумевшей матерью.

Глава 5

Я в полном замешательстве и вообще перестаю понимать, что происходит.

— Ты понимаешь, что фактически ты просто украл девочку? — изумленно протягиваю я. — Ты для нее никто, она даже не записана на тебя. А ты просто взял ее и забрал у матери?

— Кать, ее мамаша была обдолбанная в хлам! Может, просто пьяная, а, может, под запрещенными веществами! Мне надо было просто забить на хрен и уйти, понимая, что она может покалечить ребенка, или забить до смерти?! — взывается Леша. — Да, я Карине никто. Но оставить ее там просто не мог, понимаешь? Не мог!

— И как мать к этому отнеслась? — спрашиваю, все больше офигея от слов мужа.

— Сказала, чтобы катился вместе с Кариной ко всем чертям, — вздыхает тяжело и трет тыльную сторону левой ладони кончиками пальцев правой руки. — Она, по-моему, только и мечтала избавиться от девочки.

Судя по состоянию ребенка, так оно и есть.

— Как ты вообще связался с такой женщиной? — в непонимании хмурюсь я и качаю головой. — Она же алкоголичка! Это точно твоя бывшая помощница? Или проститутка с трассы?

От этой мысли мне еще более мерзко. Неужели мой муж мог пасть настолько низко и воспользоваться услугами продажной девицы с кучей болячек? А потом притащить всю эту грязь мне...

— Ну какая еще проститутка? — выплевывает муж. — Я бы до такого не опустился. Да и проститутка аборт бы додумалась сделать.

— Я бы уже ничего сейчас не удивилась...

— Я говорю тебя правду, Кать. Моя бывшая помощница и есть мать Карины. Только раньше она не была такой. По крайней мере, до того, как родила.

— Ну да, роды — это такой стресс, что надо его чем-то залить, — горько усмехаюсь я. — Зачем она тогда вообще рожала, если ей ребенок был не нужен?

— Да я понятия не имею! Она мне не доложила. Просто поставила перед фактом: либо я содержу ребенка, либо она расскажет обо всем тебе. Само собой, я выбрал первое.

— Прекрасно, — хмыкаю я. — То есть просто давал деньги и даже не знал, что она их не на ребенка тратит, а чтобы себя травить?!

Мне теперь еще больше жаль девочку. Алкоголики — мой триггер. Я знаю, что такое жить вместе с ними, расти в такой семье. Но надо отдать моим родителям должное — они лупили меня не так часто, да и то только тогда, когда мешала их застолью, чего я старалась не делать.

— Не совсем, — протягивает Леша и переводит взгляд в

окно. — У моего приятеля есть родственница в органах опеки. И я обратился к ней с просьбой, чтобы она почаще навещалась к девочке, смотрела, как они живут, все ли в порядке.

— И? Какой результат от твоей просьбы?

— В первый год вроде бы было все нормально, а потом Галина стала сообщать о бутылках с алкоголем. Я не придавал этому значения, все ведь иногда расслабляются, — цокает и вздыхает. — А потом все стало ухудшаться. Галина стала рассказывать, что у девочки стали появляться синяки, а ее умственное развитие якобы не соответствует возрасту. Она пригрозила Лизе, что лишит ее родительских прав, если она не возьмется за голову. И вроде как Лиза пообещала, что с алкоголем завяжет, и все будет хорошо...

— Алкоголик сам завяжет без посторонней помощи? — нервно усмехаюсь я. — Ну да, слышала я такое после тяжелых отравлений. А потом необходимость сразу отпадала.

— Поэтому Галина взяла ее на усиленный контроль. Но видимо хреново получилось, раз в день рождения мать решила такой праздник ребенку закатить.

— Да я вообще не понимаю, чем твоя Галина занималась, — хмыкаю я. — С таким обращением уже давно пора было лишать твою Лизу родительских прав.

— Думаешь я удовлетворен ее работой? Да если бы она просто делала свое дело, мне бы не пришлось сейчас притаскивать Карину сюда! — негодует муж.

— Это все ужасно, конечно, — вздыхаю я —. Но ты ведь понимаешь, что просто не можешь забрать ребенка, который тебе принадлежит лишь генетически?

— Я понимаю, Кать, — смотрит на меня тяжелым взглядом и пошатывается. — И уже думал над тем, чтобы оформить отцовство на себя. Мне оно и не нужно, но ребенку как-то нужно помочь.

— В первую очередь ты должен узнать у девочки, чего хочет она, — вздыхаю и встаю из-за стола, опираясь на столешницу ладонями. — Если она хочет быть с мамой несмотря на все, что она делала, то в первую очередь надо помочь Лизе, — нервно тру ладонью лоб и продолжаю: — Вот почему я теперь должна думать о женщине, с которой ты спал? Почему меня должны заботить ее проблемы?!

— А ты не думай об этом. Я ведь не прошу.

— Да что ты? — нервно усмехаюсь и всплескиваю руками. — Ты вывалил все это на меня, а теперь говоришь не думать? Так уж получилось, что иначе я не могу! Меня волнует судьба несчастного ребенка, и совершенно неважно, чей он! И из-за этого я просто вынуждена думать о судьбе твоей проклятой любовницы! Чтобы она была в состоянии воспитывать дочь, а не...

— Ч-ш-ш-ш, — перебивает меня Леша и кивает мне за спину.

Оборачиваюсь и вижу сонную Карину. Видимо, разбудили ее своими разговорами на повышенных тонах.

— В туалет хочу, — тихо произносит она и сжимает ножки.

Только делаю шаг к ней, собираясь помочь, но тут же замираю на месте.

Я не должна этого делать, как бы мне ни хотелось о ней позаботиться. Это не моя зона ответственности.

— Отведи ребенка в уборную, — бросаю Леше через плечо и отречено смотрю в окно, всем своим видом давая понять, что делать ничего не буду.

— Конечно, — отвечает он и встает из-за стола. — Идем скорее, пока колготки не намочила.

Стою несколько секунд возле кухонного гарнитура, постукивая ногтями по столешнице, и срываюсь к холодильнику, не в состоянии пересилить себя и удержать на месте.

Как бы то ни было, а ребенок совершенно ни в чем не виноват. И я не буду морить ее голодом просто потому, что она нагулянная дочь моего мужа. Тем более, что у девочки сегодня праздник...

Глава 6

Леша вместе с девочкой возвращаются на кухню, а на столе уже дымится разогретое рагу из говядины и овощей, которое я приготовила вчера. На блюдечке два кусочка зернового хлеба, а в прозрачном бокале свежесваренный компот.

— Садись покушай, — вздыхаю тяжело, обращаясь к девочке, и изучаю ее внимательным взглядом.

Глаза у нее Лешины, как у нашей Юли. И темные волосики точно такие же, как были у моей дочери в детстве — слегка волнистые и очень тонкие, постоянно сбивающиеся в узлы. Стоило Юле хоть немного походить незаплетенной, как мне потом приходилось с мучениями разбирать этот кошмар, да еще и больно не сделать.

А вот у Карины настолько запущенный случай, что никакие спреи бальзамы не помогут. Скорее всего, только состригать.

Девочка молча садится за стол и берет вилку в кулачок, как делают детки поменьше, которым еще тяжело держать приборы правильно. А ее к шести годам так никто и не научил этому.

— Это все мне, или вы тоже есть будете? — несмело спрашивает Карина и косится то на тарелку, то на меня.

Вот это вопрос. Неужели ее нормально не кормили даже с денег Леша? Хотя, о чем это я? Конечно, не кормили. Не

ребенок, а кожа да кости. И все ведь из знакомой мне оперы про нехватку денег на продукты, ведь нужно для мамы купить очередную бутылку, или что похуже.

— Все тебе. Ешь, — дрогнувшим голосом произношу я и спешно покидаю кухню.

Не могу долго находиться рядом с ней — слишком тяжело. Я будто вижу в этой девочке свое отражение. Знаю, как ей тяжело, больно и страшно. Знаю, как сильно она нуждается в чьей-то помощи. И я хочу ей помочь, но пока не понимаю, как это сделать. Рядом с ней я начинаю ощущать себя такой же беспомощной девочкой, какой и была тридцать с лишним лет назад.

Все дело именно в этом. И вовсе не в том, что она дочь любовницы моего мужа. Леша сообщил мне об этом, и я сохранила эту информация в памяти, но пока вообще еще никак не восприняла.

То ли это защитная реакция, то ли шок... Но пока нет никакого эмоционального отклика к измене мужа. Испытываю только удивление от необдуманности его действий и животный страх за ребенка.

Опускаюсь на диван и прячу лицо в ладонях.

— Кать, ты как? — Леша садится рядом и гладит меня по спине.

— А как должно быть? — отстраняю руки от лица и смотрю на мужа. — Как? Скажи мне! Потому что я пока ничего не понимаю.

— Понимаю, Катюш. Я таких дел натворил, что теперь не знаю, как расхлебать. По всем фронтам накосячил. Но я все исправлю, слышишь? Все будет хорошо, обещаю.

— Для кого хорошо? — с горечью усмехаюсь. — Не будет уже ничего хорошо. Ты открыл ящик Пандоры, и уже ничего не исправишь.

— А я все же постараюсь, — выдыхает он и обнимает меня за плечи, но я отползаю от него в дальний угол дивана.

— Все, что ты теперь можешь сделать, так это вылечить свою Лизу и вернуть дочь нормальной матери. Вот о них и думай теперь, а я... Я как-нибудь сама позабочусь о себе и своем ребенке.

— О нашем ребенке, — поправляет меня муж. — И от вас я никуда не денусь. Мои девочки всегда будут со мной, под моей защитой.

— У тебя теперь есть другие девочки, о которых надо заботиться, — протягиваю я и смотрю на семейное фото, что висит на стене. — Мы ведь были хорошей и счастливой семьей, Леш. Как же ты мог предать меня в самый трудный момент?

— Я уже сказал тебе все по этому поводу. Мне больше добавить нечего.

— Кто из нас уйдет из дома — ты, или я? — спрашиваю безжизненным голосом. — Наверное, лучше мне уйти, а ты останешься здесь со своей дочерью, если сможешь оформить на нее опеку.

— Что? — в неверии спрашивает Леша и разворачивает меня за плечи, чтобы видеть мое лицо. — Кать, ты что такое говоришь? Никто никуда уходить не будет! Мы семье, мы будем вместе. И малыш у нас скоро появится. Не говори ерунды, пожалуйста.

— Это ведь логично, — пожимаю плечами.

Сейчас я руководствуюсь лишь логикой, а не эмоциями. Потому что толком не чувствую ничего.

— После измены люди расстаются, — продолжаю я. — Когда ты решил рассказать мне про свою измену, ты ведь не мог не думать о последствиях, верно?

— Это было семь лет назад, — цедит он по слогам. — Неужели ты хочешь развестись из-за того, чтобы хрен знает когда?

А я вообще не знаю чего хочу. И не понимаю. Разве что забыться и заснуть.

— Дело ведь не только в измене, Леш, — покачиваю головой, уставившись в его темные глаза. — Ты ведь даже не спросил, хочу ли я, чтобы твоя дочь жила с нами. Ты просто поставил меня перед фактом. И, похоже, когда ты ее вез сюда, то вообще не сомневался в том, что я молча приму все это, и мы продолжим жить, как и раньше, будто ничего не произошло.

— Я не знаю, о чем я вообще думал, — рычит, злится сам на себя. — Просто хотел спасти ребенка от непутевой матери, и все. Ты ведь сама жила в полном кошмаре, разве ты не

понимаешь, каково ей?

— Да я как раз это прекрасно понимаю! — громче прежнего произношу я. — Мне жаль девочку, и я понимаю, что ей нужна помощь!

— Ну так давай поможем ей!

— А со своей жизнью мне что делать? — прикладываю руки к груди. — Просто забить на себя и свою гордость? Продолжить жить рядом с предавшим меня мужчиной и воспитывать его дочь?! Я это должна сделать?

— Кать, послушай, — качает он головой, опускается передо мной на колени и сжимает мою ладонь. — Я обещаю, что заглажу свою вину. Нет, не так. Я постараюсь сделать все возможное, чтобы ты меня простила, и мы вернулись к нормальной жизни, воспитывали нашего общего ребенка. И я не собираюсь становиться семьей Карины, просто хочу вытащить ее из ада, понимаешь?

— Леш, я понимаю твои мотивы, правда. И я рада, что ты не бессердечный скот, который забил бы на несчастного ребенка и просто ушел, лишь бы сохранить свою тайну и не разрушить семью. Но...

— Катюш, пожалуйста, не нервничай, — спокойно и по слогам произносит Леша. — Давай мы просто успокоимся. Не нужно принимать поспешных решений, ладно?

— Действительно, хватит уже разговоров, которые ни к чему не ведут, — выдыхаю я и откидываюсь на спинку дивана. — Займись сейчас своей дочерью, вернее, ее матерью.

Предложи ей медицинскую помощь, не ради нее самой, а ради дочери. А если откажется... Там уже сам думай, что делать: обращаться в органы опеки и отдавать девочку им, или оформлять опеку на себя. Но знай, что я в этом участвовать не буду.

Глава 7

Алексей

Слова Кати бросают меня в еще большее отчаяние. И дело не в том, что она не хочет помогать девочке, нет. Она-то как раз хочет, но отчаянно сдерживает свои порывы позаботиться о ней.

Ей инстинкты подсказывают, что нужно делать в такой ситуации. И именно она сказала мне, как нужно действовать дальше, хотя я об этом даже задуматься не успел.

И если бы сейчас перед ней сидел точно такой же несчастный ребенок, но совсем чужой, то она бы кружилась над ним, как наседка.

Но обида на меня и осознание, что этот ребенок мой, не дают ей этого сделать. Она сама себе это запрещает.

И винить мне ее не в чем. Кто из нас виноват, так это я и только я.

Да как же я мог так облажаться?!

Можно ведь было отвезти девочку к моей матери на время и затем решать, что делать с ней дальше. Или еще какой-то выход придумать, не знаю.

Но это я только сейчас начал понимать, да и то вариантов нарисовалось немного. А в момент, когда я забрал Карину, у меня голова вообще не соображала и крутилась в ней лишь одна единственная мысль — отвести ее к нам домой. Туда,

где она точно будет в безопасности.

И я сразу понимал, что разговор с женой будет нелегким, но на тот момент не осознавал последствий. Будто у меня не было сомнений в том, что она примет мою измену и ее результат. Думал, что расстроится, будет кричать, плакать, переживать... Но все равно примет.

Идиот. Одним необдуманном решением подвел наш брак под откос.

Нельзя ничего решать и делать на эмоциях, но я поступился этим правилом и совершил огромную ошибку. Теперь надо все это исправлять каким-то образом, потому что терять свою жену и нашего еще нерожденного ребенка я не намерен. Но пока еще не понимаю, что делать.

Тонкий детский голосок вырывает меня из размышлений. Поднимаю взгляд и вижу Карину в дверях гостиной. Смотрит на меня, как волчонок, и теребит юбку своего замызганного платяца.

— Ты что-то сказала? — переспрашиваю ее.

— Можно мне медведя? — осторожно спрашивает она. — Пожалуйста.

— Какого медведя? — хмурюсь, не сразу соображая, о чем речь.

— Которого вы подарили мне. Он остался в машине.

— Принеси ребенку медведя, — тихо проговаривает Катя, но не просит, а требует.

Киваю и спешу на улицу. Достаю из тачки здорового плю-

шевого медведя ростом с Карину, и несу его в дом.

— Держи, — протягиваю игрушку девочке, но она почему-то мотает головой.

— Он большой и тяжелый, — кривит губы вбок. — Пусть он посидит на диване, а я приду к нему, когда доем.

— Конечно, он подождет тебя здесь, — кладу игрушку на диван, но когда возвращаю взгляд на Карину, ее уже нет в комнате.

— Симпатичный, — задумчиво протягивает Катя. — И Юли был похожий, только белый. Ей медведя ты тоже подарил примерно в том же возрасте.

— Я об этом даже не задумывался, — пожимаю плечами. — Но я помню, как она тогда ему обрадовалась.

— Поэтому и Карине решил медведя подарить, — устало улыбается она. — Отложилось, видимо, в памяти, что маленькие девочки любят больших медведей.

— Да я взял первое, что попало на глаза, и все.

Так оно и было. Я не преследовал цель угодить девочке, да даже порадовать ее. Просто как отчет перед самим собой — подарок есть, можно забыть о ребенке еще на год.

— Так и что? — спрашивает Катя. — Насчет Лизы что решил?

— Я поговорю завтра с ней. Постараюсь убедить в необходимости лечения, — выдыхаю и всматриваюсь в глаза жены, которые сейчас кажутся пустыми.

— Нет, не завтра. Сегодня, — возражает она. — Ты украл

ребенка, Леш, и если мать решит заявить в органы, а она вполне может это сделать, то всем будет худо. Избавь меня хотя бы он разбирательств с полицией. Я пойду соучастницей, если сама не заявлю о том, что ты бесправно забрал девочку.

— Да-да, ты права, Катюш, — вздыхаю я и поднимаюсь на ноги, заправляя рубашку в брюки. — Я сейчас заберу Карину и...

— Зачем? — перебивает меня жена. — Меньше всего ей нужно слушать ваши разбирательства. Да и какой тогда смысл в том, что ты вообще ее забирал оттуда? Если мать вцепится в нее и не отдаст тебе больше? Ты уедешь, а ей снова достанется. Нет уж, раз вырвал ее из ада, то доводи дело до конца и с умом.

— Но я ведь не могу ее оставить здесь. Ты ей в няньки не нанималась.

— А вот об этом нужно было думать до того, как... — прерывается она на полуслове и качает головой. — Боже... Я уже со счета сбилась, сколько раз за сегодня я говорила эти слова. Но ты же и так все уже понял, зачем повторять? — поднимает на меня тяжелый взгляд и продолжает: — Все, Леш, хватит. Просто оставь девочку здесь и поезжай. Решай проблемы, пока они еще больше не разрослись. Разговор предстоит с Лизой трудный и, вероятно, долгий. Но Карина не беспомощная малышка. Она может просто просмотреть мультики, пока тебя не будет.

— Ладно, — киваю одобрительно, хотя Катя и без меня уже все решила. — Я тогда поехал. Постараюсь вернуться поскорее.

— Ага, — безучастно бросает она в ответ, поднимается с дивана и скрывается в кухне.

А я обуваюсь и выхожу из дома, оставляя жену с ребенком, который не нужен вообще никому. И еду на разговор с той, что семь лет назад испоганила своим необдуманным поступком жизнь сразу четверем людям — себе, мне, Кате и Карине. А я стал соучастником всего этого...

Глава 8

Алексей

Впервые за несколько лет мне придется сегодня разговаривать с Лизой. По сути, мы ведь с ней контактировали последний раз после рождения Карины.

Да и не было в этом необходимости. Я даже на дни рождения Карины дальше коридора не проходил и не смотрел, как они живут. У меня просто не было потребности в этом знании.

И, черт, его и сейчас нет. Я забрал Карину не потому, что вспылал к ней отцовскими чувствами. Просто хотел спасти ребенка, над которым издевается собственная мать. Да ее и матерью язык не поворачивается назвать. Тварь конченная.

А еще на душе так мерзко стало, будто я виноват в том, что обрек ребенка на такое существование. Но, твою мать, нет в этом моей вины, нет! Я не хотел заводить ребенка на стороне, не собирался и его растить. И как бы у меня тогда ни сносило крышу, я всегда предохранялся. Ответственность она не проявляется случайно, а заложена на подкорке.

И я бы мог себя винить за то, что дал жизнь, но не обеспечил достойного существования, если бы сам сказал Лизе рожать. Но нет же, нет! Я не собирался давать эту жизнь! И если бы эта безмозглая курица сообщила о своей беременности с самого начала, я бы силой затащил ее на аборт.

Но она поступила иначе, сообщила уже постфактум. Хитро, ничего не скажешь. Видно, с самого начала понимала, что я не позволю этому ребенку родиться, вот и создала удобную для нее ситуацию, чтобы шантажировать меня и выкачивать бабки.

Но, черт, как же это тупо! Зачем было обременять свою жизнь ребенком, которого она не хотела сама. Неужели желание легких денег настолько взяло верх?

Нет, я все равно ни хрена не понимаю. Не понимал тогда, а сейчас не понимаю тем более. Она не взяла квартиру в ипотеку, которую спокойно покрывала бы моими отступными. До сих пор ведь живет в съемной однушке. Не открыла какой-никакой маленький бизнес... Вообще ничего не сделала! Тупо все пропила!

Захожу в подъезд и стучусь в квартиру Лизы. Тишина.

Стучу еще раз, громче и настойчивее. Набухалась и спит, наверное.

— Кто там? — слышу ее пьяный и раздраженный крик за дверью.

— Это я, открывай, поговорить нужно.

— Че, Карину притащил обратно? — снова раздается из квартиры, но теперь с насмешкой. — Забирай ее и вали. Сам воспитывай свою дочь.

— Карина у меня дома, — раздраженно отвечаю. — Открой немедленно! Разговор есть.

Замок соседской двери щелкает, и из квартиры показыва-

ется девочка лет двенадцати. Стеснительно смотрит на меня и тихо спрашивает:

— А вы к Карине, да?

Киваю.

Девочка делает шаг вперед и протягивает мне картонную коробку с конфетами, какие дарят детям на Новый год.

— Я хотела поздравить Карину с днем рождения, но ее маме мне не открыла. Можете ей передать мой подарок?

— Конечно, — беру подарок из рук девочки, и в этот же момент Лиза отмыкает дверь.

— Скажите, что это от Саши. Спасибо, — тараторит девочка и быстро скрывается в своей квартире.

— Какой еще разговор у тебя? — заплетающимся языком спрашивает Лиза и смотрит на меня исподлобья косыми опухшими глазами.

— Не в подъезде, — небрежно бросаю я и захожу в квартиру, захлопывая за собой дверь.

— Это для Карины? Давай сюда, — бесцеремонно выхватывает у меня коробку и уносит куда-то.

— Вот именно, это для Карины. Так что верни, я отвезу ей.

— Да фиг! Нехрен ей сладости жрать. Зубы целее будут, — зло усмехается она из комнаты. — Ой, прости, ты ж теперь ее папашка. Вот и купишь ей конфеты, не обеднеешь. А эти мои.

Блевать от нее хочется. От той женщины, какой она была

раньше, не осталось и следа. Мерзкая хабалка, которая выглядит не лучше бомжихи с вокзала.

Стиснув зубы, я снимаю ботинки и иду вглубь квартиры в поисках кухни. Носки мерзко прилипают к грязному полу. Лучше бы не разувался.

— А ты куда идешь? Я тебя в дом не приглашала, — летит мне в спину.

— Мне твое приглашение не нужно, — сухо бросаю в ответ и захожу в кухню.

Сажусь на табуретку и опираюсь руками на стол.

Твою ж мать, скатерть тоже липкая!

— Вали давай, — тянет меня за рукав. — По твоей морде вижу, что ты мне хрень какую-то загонять собрался.

— Сядь немедленно за стол, — угрожающе и по слогам произношу я. — Мы должны обсудить судьбу твоей дочери.

— И твоей тоже, — зло усмехается и пренебрежительно смотрит на меня. — Ладно, поговорим. Если выпьешь со мной.

Разговор и так не обещал быть конструктивным. А будет совсем невменяемым.

— Я не пью. Тем более, я за рулем.

— Да мне насрать, — выплевывает. — Если тебе так важно поговорить, то пей. А нет — проваливай. Мне лично с тобой говорить не о чем.

— Ладно, — соглашаюсь только для вида.

Она открывает шкафчик под раковиной, из которого тут

же вываливается гора пустых бутылок. Ковыряется там минуту и достает бутылку какого-то дешманского алкоголя.

Из горы грязной посуды достает два стакана, просто ополаскивает их водой, ставит на стол и наполняет.

— О, конфетки ж теперь есть. Я щас, — с довольной улыбкой произносит она и вываливается из кухни, врезаясь в дверь.

Подмечаю на столе заварочный чайник и бросаюсь к раковине. Выплескиваю в раковину ту дрянь, что она мне налила, наливаю немного заварки и разбавляю до прежнего объема водой. А затем возвращаюсь на свое место ровно к тому моменту, когда Лиза возвращается с подарком Карины.

Достает несколько конфет и кладет на стол, а коробку прячет в шкафчик.

— Ну что, папашка, — усмехается и поднимает подрагивающей рукой стакан. — За днюху дочурки!

Глава 9

Алексей

Делаю глоток из кружки и едва сдерживаюсь, чтобы не выплюнуть обратно. Заварка оказалась прокисшей. Наверное, уже не первую неделю так стоит.

Скривившись, проглатываю эту забродившую мерзость и быстро заедаю конфетой.

— Слабачок! — самодовольно произносит Лиза и демонстрирует свой опустошенный стакан, будто это реально предмет для гордости.

— Выпили. А теперь слушай меня, — сурово произношу я.

— Ну? Слушаю внимательно вас, Алексей Анатольевич, — протягивает она и складывает руки на груди в замок.

— Тебе нужна помощь, Лиза. И я хочу тебе предложить лечь в клинику для зависимых. Лечение я оплачу.

— С чего вдруг такая забота? — хмыкает она. — Только помощь мне не нужна!

Нервно отвинчивает крышку бутылки, наливает в стакан и снова залпом выпивает.

— Тебе лечиться надо! — твердо отвечаю ей. — Посмотри, во что ты превратилась за шесть лет. Была же абсолютно нормальной, а теперь... Ничтожество. Даже смотреть мерзко.

Стискивает челюсти и сглатывает, озлобленно глядя на меня.

— Твоя зависимость убьет тебя. Да у тебя уже проблемы с головой! Ты превратила жизнь собственной дочери в ад! Не кормишь ее, одеваешь черт пойми во что, хотя денег я выделяю достаточно. Но это даже не самое худшее. Ты морально и физически измываешься над девочкой! Ты для этого еерожала? Чтобы было над кем издеваться?!

— А чего тебя вдруг стала волновать ее жизнь, а? — шмыгает носом, а глаза уже на мокром месте. — Шесть лет подачками обходится, а тут внезапно совесть заиграла?

— Это не совесть, Лиза. Это обычное сочувствие к ребенку, неспособному защитить себя самостоятельно.

— Ну и прекрасно! Сочувствуй дальше и занимайся ею сам!

— Дура ты, — зло выплевываю в ответ. — Ей мать нужна! Нормальная мать, а не отец, которого она даже не знает. Поэтому я и хочу отправить тебя на лечение. Чтобы ты снова превратилась в человека и не портила жизнь ни себе, ни своей дочери.

— Я так устала. Так устала от всего этого, — прижимает ладони к вискам и заходится хриплым ревом. — Не о такой я жизни мечтала, понимаешь? Не о такой!

— Так ты же сама ее себе и портишь! Зачем пьешь, если...

— Да при чем тут это?! — перебивает меня криком. — Я и пью, потому что жизнь — дерьмо! Чтоб хоть ненадолго за-

быться! — захлебывается в слезах и соплях. — Но даже это больше не помогает. Пью, и пью, и пью... Жду, когда полегчает, а она не легчает! Но не могу остановиться. Слишком сложно.

— В чем у тебя жизнь дерьмовая?! — взрываюсь злостью. — У тебя жилье есть, деньги есть, ребенок есть. Если чего-то не хватает, так своими силами надо этого добиваться! А не заливать глаза.

— Да ты хоть знаешь, как тяжело быть матерью-одиночкой? — вскрикивает с отчаянием, всплескивает руками и едва не падает с табуретки. — А вот нифига ты, Раменский, не знаешь! Такие, как я, ни одному нормальному мужику не нужны! Мой лучший вариант, это перепихон на пару раз! А как только про дочь узнают, так сразу сливаются!

— Да не в ребенке дело! Понимаешь, не в ребенке! А в твоём сраном алкоголизме!

— Умный, смотрю? — шмыгает носом и растирает ладонью сопли по лицу.

Мерзко до невозможности. Сдергиваю с ручки плиты замызанное полотенце и протягиваю ей.

— Спасибо, — сдавленно произносит и громко высмаркивается в полотенце.

Боже, есть ли вообще предел мерзости? А ведь у Кати мать была такой же. Не представляю, как она вообще с ней жила.

— Я же не сразу запила, как Карина родилась, — произносит Лиза, откладывая грязное полотенце на стол. — Только

все было точно так же. А оно и не могло быть по-другому! Только самые отчаявшиеся и убогие принимают женщин с чужими детьми.

— Так а нахрена ты рожала от меня, если изначально понимала, что я с тобой не буду и другого мужика тебе не найти? — недоумеваю я. — Чтобы обеспечивал тебя?!

— Чего? — усмехается. — Ты больной? Если бы я знала, что ребенок твой, то сама бы побежала на аборт, сверкая пятками.

Ни черта не понимаю...

— У тебя был кто-то еще, кроме меня? — хмурюсь я.

— У меня жених, вообще-то, был! — фыркает она. — Хороший, заботливый, состоятельный. Даже уволиться мне сказал, когда узнал про мою беременность. Я-то была на сто процентов уверена, что Карина от него! А твои гады живучие даже через презик просочились.

Значит, память меня не подводит. И Карина просто вошла в те несчастные два процента случаев, когда контрацептивы дают осечку.

— Я с ним семью хотела! — продолжает она с пеной у рта. — Он дом купил, обустроил его для нас. Свадьбу хотели после родов сыграть, но он какого-то хрена решил сделать тест на отцовство. И все! Вся жизнь и всё будущее в жопу!

— Если у тебя не сложилась жизнь так, как ты хотела, то это не повод измываться над ребенком, — зло отвечаю ей. — Но у тебя еще есть шанс все исправить, и я тебе его даю. Ты

можешь вылечиться, стать нормальной матерью и встретить мужчину, достойного тебя. Тебе нужно только дать положительный ответ.

— Ну, вылечусь я, и что дальше? Сразу жизнь заиграет новыми красками, и все само собой наладится? — хмыкает раздраженно.

— Само собой никогда и ничего не случается. Всегда надо что-то делать и к чему-то стремиться. В этом и есть смысл жизни. А если просто сидеть на пятой точке и ждать маны небесной... Боюсь тебя разочаровать, но такое бывает только в сказках, а не в реальной жизни.

— Да какой же ты душный, — смотрит на меня, скривившись, и покачивается.

— И ты не одна в мире одинокая мать, — продолжаю я. — Многие женщины выходят замуж, имея ребенка от другого. Но ты, конечно, станешь исключением, если будет продолжать в том же духе. Потому что нынешняя ты можешь быть нужна только такому же пропитому алкашу.

— А тебе-то это все зачем? — щурится недоверчиво. — Разве тебе на меня наплевать?

— Ты меня вообще слушаешь? — от нервов вот-вот сорвет крышу, но я сдерживаюсь из последних сил. — Это ради Карины! Чтобы у нее была нормальная мать!

— А если я не хочу быть ее матерью, а?! — ехидно усмехается Лиза. — Ты вообще меня спросил, чего хочу я? Может, не нужно мне ни твое лечение, ни твоя дочь!

— Если откажешься от лечения, — цежу по слогам, — То навсегда останешься в том дерьме, в котором ты сейчас находишься. Только учти, что с такой жизнью ты долго не протянешь.

— Как-то протянула все эти годы, — фыркает она и отводит взгляд.

— Хорошо, — многозначительно протягиваю я. — Тогда с сегодняшнего дня ты больше ни копейки от меня не получишь. Но ты ведь это и так понимаешь. Не смею тебя больше задерживать.

С этими словами я встаю из-за стола, чтобы уйти, но Лиза бросается к кухонной двери, захлопывает ее и сама прижимается к ней.

— В каком это смысле не будешь деньги давать? — с выпученными глазами тараторит она. — У нас ведь была договоренность!

— Верно, — киваю и продолжаю ровным и уверенным тоном: — Только договоренность у нас была какая? Что я буду обеспечивать Карину, но никак не тебя. А раз ты отказываешься лечиться и становиться нормальной матерью, значит, Карина теперь будет со мной. А ты останешься никому ненужной алкашкой, к которой даже собственная дочь приближаться не захочет.

— Да ты все не так понял, — мотает она головой и утирает ладонями слезы. — Я согласна на лечение! А как только поправлюсь, то сразу же заберу у тебя Карину и начну с ней

новую жизнь.

— Уверена?

— Абсолютно, — шумно выдыхает, обдавая меня мерзким запахом перегара. — Я этого хочу, правда. Мне и самой плохо оттого, что я хреновая мамка для Каринки. Но я просто не могу взять себя в руки. И пока что мне сложно поверить, что кто-то сможет мне помочь.

— Смогут, об этом не беспокойся, — с облегчением выдыхаю я. — Что ж, тогда нам остается решить вопрос с временной опекой Карины, чтобы все было по закону, и ее не забрали в приют до того, как ты выйдешь из клиники. Так что будь добра, притормози с бухлом и приведи себя в порядок, чтобы завтра ты была похожа на человека. Я приеду, и мы поедем оформлять документы.

Кивает и освобождает проход.

Вроде все поняла. Дай бог.

Дергаю дверь на себя, собираясь уйти, но замираю в дверном проеме:

— Коробку с конфетами отдай. Это подарок Карине от подруги.

Морщится, дрянь, недовольно поджимает губы, но коробку в итоге отдает.

Забираю подарок, иду в коридор и быстро обуваюсь, чтобы поскорее свалить из этого гадюшника.

Одно дело сделано. Теперь остается самое трудное — вернуться домой и сделать все возможное, чтобы отговорить Ка-

тю от развода, на который она, очевидно, уже настроилась...

Глава 10

Вхожу на кухню и вздрагиваю, когда хлопает входная дверь. Леша ушел и оставил меня наедине с собственными страхами.

И, нет, я боюсь вовсе не маленькую девочку, которую он привел, а то отвратительное состояние беспомощности, в которое я погружаюсь рядом с ней.

Я потеряла контроль над ситуацией, оттого чувствую себя бессильной и слабой, не знаю, что мне делать дальше.

Поворачиваюсь к девочке и вижу, что она через силу запихивает в себя остатки рагу, а по ее щекам текут слезы. И как-то не по себе становится.

Сажусь напротив нее и спокойно спрашиваю:

— Ты почему плачешь? Невкусно?

— Очень вкусно, — бормочет с набитыми щеками и хрюкает носом. — Просто объелась.

— Так и не нужно доедать. Зачем запихивать, если больше не хочется?

С трудом прогладывает пережеванную еду, запивает компотом и откладывает кусок хлеба на тарелочку:

— Мама говорит, что еду нельзя оставлять. Нужно доедать все, что положили. А когда я не доедаю, — поджимает губы и смотрит на меня глазами, полными слез.

— Я поняла, — отвечаю, не дав ей договорить, потому что

все и так понятно.

Забираю у нее тарелку и выбрасываю остатки еды в мусор, а тарелку кладу в раковину.

— Вы злитесь? — в страхе спрашивает Карина.

Она уже привыкла, что вызывает злость и раздражение матери по любому поводу. И того же ожидает от других взрослых.

— А разве похоже, что я злюсь? — мягко улыбаюсь и сама же отвечаю на свой вопрос: — Нет, Карин, я совершенно не злюсь. Я тоже иногда не доедаю то, что положила себе. Если остается немного, то выкидываю.

— А если много?

— А если много, то можно просто убрать еду в холодильник и доесть, когда снова проголодаешься, — пожимаю я плечами.

У меня ведь было точно так же, как и у Карины, только на фоне остальных проблем из детства я совершенно об этом забыла. Мать варила просто ужасную еду, почти несъедобную, потому что готовила из всего самого дешевого: овощные супы с горелой поджаркой на воде, или же на бульоне из куриных лапок, вареная рыба с овсяной кашей...

Не знаю, было ли дело только в нехватке денег на нормальные продукты, или мама даже не старалась... Но еда почти всегда была ужасной, и раз в день меня обязательно заставляли есть.

Я пихала все это в себя со слезами, пока мать сидела над

душой в обнимку со стаканом. А если говорила, что больше не могу, то получала таких подзатыльников, что желание сказать такое снова у меня пропадало надолго. Проще было давиться паршивой едой, чем терпеть очередные побои и крики о том, какая я неблагодарная дрянь.

— А когда дядя Леша отвезет меня домой? — Карина вырывает меня из очередных детских воспоминаний и ставит своим вопросом в тупик.

— А что он сам тебе сказал об этом?

— Сказал, что мне лучше будет жить с ним, — пожимает плечами, берет со стола салфетку и вытирает хлюпающий нос.

— Но ты хочешь вернуться к маме, — вздыхаю я, потому что это вполне очевидно.

Ни один маленький ребенок не променяет родную маму, даже самую грубую и жестокую, на кого-то чужого. В столь раннем возрасте дети все равно ощущают огромную привязанность к родителям, даже если испытывают перед ними страх.

— Я... Я не знаю, — с дрожащим подбородком выдавливает из себя Карина и заходится плачем.

— Не нужно плакать, пожалуйста, — теперь я чувствую себя виноватой, это ведь я напомнила ей про маму. — Ты немного поживешь с дядей Лешей, а потом сможешь вернуться к маме.

— Правда? — всхлипывает девочка, размазывая слезы по

грязному личику.

— Да, — киваю, хотя, вполне возможно, даю ей ложную надежду. — Твоей маме немного нездоровится, поэтому ей придется какое-то время побыть в больнице.

— А разве она болеет? — хмурится Карина.

— Не переживай, это несерьезная болезнь и незаразная, но ее обязательно нужно лечить, — успокаиваю девочку. — Она будет пить разные витамины, а еще с ней поработают разные врачи, чтобы она стала спокойнее и добрее.

Карина уже не плачет. Просто глядит на меня огромными карими глазами и осторожно спрашивает:

— А после того как ее вылечат, она больше не будет меня бить?

— Не будет, — отвечаю я и отвожу взгляд, поджимая губы.

И зачем я взяла на себя такую ответственность? Пообещала то, что от меня вообще не зависит.

Но что мне еще оставалось делать? Девочка напугана, потеряна. И ее нужно хоть как-то успокоить.

Но теперь я, действительно, опасаясь, что могла дать Карине ложную надежду. Невозможно ведь знать наверняка, вылечат ли ее маму от зависимости, да и согласится ли она вообще лечиться.

А даже если гипотетически предположить, что у нее хватит силы воли и желания вести трезвый образ жизни, то это совсем не гарантирует того, что в дальнейшем она перестанет жестоко обращаться со своей дочерью.

Да, это самый сложный путь, гарантий на положительный исход нет совершенно. И, конечно, гораздо проще было бы лишить мать-алкоголичку родительских прав и пристроить ребенка в хорошую семью, или же доверить ее воспитание родному отцу.

Вот только для самой Карины будет гораздо лучше, если она сможет вернуться к здоровой и уравновешенной маме. И именно ради ее счастливого будущего стоит попытаться вернуть горе-мамашу к нормальной жизни.

Бесит, что я вообще об этом думаю и беспокоюсь. Это не моя зона ответственности. Мне должно быть вообще глубоко плевать!

Но я не могу абстрагироваться, не могу оставаться в стороне. Потому что до безумия волнуюсь за несчастную девочку, ставшей заложником всей этой ситуации, как и я сама.

— Карин, а у тебя же сегодня день рождения? — пытаюсь свернуть на другую тему и отвлечь девочку.

Она кивает в ответ и слабо улыбается.

— Тогда и выглядеть ты должна по-праздничному. Давай я постираю твою одежду, а ты пока помоешься. Ты ведь сможешь помыться сама?

Снова кивает.

— Отлично. Тогда идем в ванную.

Но только я успеваю это произнести, как звонит мой мобильный.

— Подожди меня. Я отвечу на звонок, и пойдем, — тара-

торию я и поднимаю трубку. — Слушаю.

— Екатерина Сергеевна, добрый день, — произносит де-
вушка. — Вы записаны сегодня на УЗИ...

— Да-да, — перерываю ее. — Извините, не успела вам по-
звонить, но у меня возникли кое-какие трудности, и я не
смогу сегодня прийти. Можно перенести на другой день.

— Да, конечно. Послезавтра в двенадцать тридцать вас
устроит? — предлагает администратор клиники.

— Да, мне подходит, спасибо. Я приду обязательно.

— Хорошо, Екатерина Сергеевна. Всего вам доброго!

Откладываю телефон на стол и едва не скулю.

Какой-то кошмар. Как же все это невовремя! За что мне
вообще все это?

Медленно выдыхаю, беру себя в руки и с натянутой улыб-
кой поворачиваюсь к Карине:

— Ну что, идем мыться?

Карина соскакивает со стула, подходит ко мне и нереши-
тельно касается своей ладошкой моей руки. А меня от ее
прикосновения будто током прошибает.

Перебарываю в себе желание отдернуть руку, которое мне
диктует здравый рассудок, и осторожно стискиваю ее ладонь
в своей. Завожу Карину в ванную комнату и открываю двер-
цы душевой.

— В фиолетовой бутылочке гель для тела, а в белой —
шампунь, — поясняю я, снимая средства с полочки, потому
что Карине туда не дотянуться.

Включая теплую воду, чтобы прогрелась плитка в душевой, а затем открываю шкафчик и достаю оттуда новую мочалку.

— Одежду в стиральную машинку? — спрашивает Карина.

— Ага, — киваю, поворачиваясь к ней, и едва сдерживаю гримасу ужаса.

Карина закидывает грязные вещи в открытую стиралку, и теперь я вижу, что выглядит она еще хуже, чем мне представлялось до этого.

Просто кошмар. Истощенное тельце все покрыто синяками и ссадинами, живот к спине прилипает.

Колючий ком к горлу подступает, а от переживаний даже голова начинает кружиться.

— Давай, заходи в душ и мойся желтой мочалкой, — сдавленно отвечаю я, помогаю ребенку зайти в душевую и закрываю за ней дверцы.

Обессиленно опускаюсь на корточки, наливаю в стиралку гель и запускаю короткий режим с сушкой, чтобы Карина могла одеться побыстрее.

Достаю чистое полотенце и смотрю через прозрачные дверцы, как неумело она пытается вспенить шампунь на волосах.

— Давай я тебе помогу помыть голову, — произношу со вздохом, открывая дверцы. — А потом намажем волосы бальзамом, чтобы попытаться распутать колтуны.

— Только в ушки не лейте воду. Я очень боюсь оглохнуть,
— с тревогой в глазах просит она.

— От воды невозможно оглохнуть, — терпеливо отвечаю я и намыливаю ее волосы. — Но если боишься, то просто заткни уши пальцами, и туда точно ничего не попадет.

Карина тут же затыкает уши, а я смываю ей голову и намыливаю снова, а затем густо наношу бальзам.

— Все, волосы готовы. Помой тело и лицо обязательно. А потом смоем бальзам с волос, и будешь выходить.

— Спасибо, — кивает она и берет мочалку.

Отхожу к стене, скрещиваю руки на груди и бесцельно смотрю в потолок, дожидаясь, когда Карина закончит с мытьем. Я и сама уже готова была ее помыть целиком, едва нашла в себе силы не делать этого.

Внутри меня по-прежнему борются две половины за право позаботиться о девочке, или отказаться от этого во имя собственной гордости и самолюбия. Но моя эгоистичная часть уже готова сдаться...

Глава 11

После купания Карина сидит на диване в гостиной, укутанная в полотенце, и мнет лапу своего игрушечного медведя. А я старательно и аккуратно расчесываю ее спутанные волосы, вооружившись расческой и спреем для волос.

Помню, как я мучилась с волосиками дочки в ее детстве. Я всегда старалась быть очень аккуратной и нежной, но Юля верещала и плакала, стоило мне случайно дернуть хоть одну волосику.

В те моменты мне просто хотелось остричь Юлю под мальчика, чтобы и ее не мучить, и себе нервы не трепать. Но мы обе очень любили ее длинные волосы и продолжали вместе проходить это испытание из раза в раз.

А Карина до сих пор ни разу не пикнула. То ли болевой порог у нее высокий, то ли она более терпеливая, чем моя Юля.

— Тебе не больно? — на всякий случай уточняю я. — Ты мне говори, если что-то не так. А то я могу и не понять.

— Я могу терпеть, — тихонько отвечает она.

Останавливаюсь и наклоняюсь вперед, вглядываясь в лицо маленькой девочки.

— Не обязательно терпеть молча, — мягко произношу я. — И это касается не только волос. Ты имеешь право на голос и можешь сказать, если тебе больно, или плохо.

Во взгляде Карины вспыхивает помесь удивления и уязвимости.

— Жалуются только нытики и соплежуйки, — нерешительно произносит она. — Мама говорит, что жаловаться плохо, и эту дурь нужно выбивать. А я не хочу, чтобы из меня что-то выбивали.

Как же ужасно это звучит из уст ребенка. И ведь она не сама пришла к таким мыслям — их внушила ее непутевая мамаша. И мне даже сложно представить, что творится в прогнившей душе этой женщины. Насколько же нужно быть черствой и бессердечной, чтобы подобное говорить своему родному ребенку?

— Плохо держать все в себе, Карин. А вот делиться своими проблемами абсолютно нормально, — сдержанно отвечаю ей, хотя внутри все кипит.

Чем больше я узнаю Карину, тем меньше мне кажется, что ее мать вообще способна вернуться в нормальное состояние и воспитывать дочь.

— Я боюсь, — неожиданно всхлипывает Карина и заключает плюшевого медведя в крепкие объятия, утыкается в него лицом.

Ком горечи сдавливает и обжигает горло. Это не ребенок. Это маленький комочек огромной боли, которую некому исцелить, или хотя бы облегчить.

А я-то сама смогу с этим что-то сделать? Потому что пока я и себе помочь не могу.

Сглатываю вязкую слюну и нерешительно опускаю ладонь на спину девочки, мягко поглаживаю ее.

— Боишься рассказать о том, что тебя беспокоит? — дрогнувшим голосом спрашиваю я.

Карина часто кивает в ответ, не поднимая головы.

— У всех есть проблемы и переживания, от этого никуда не деться. Такова жизнь. Взрослые люди часто решают свои проблемы сами, а вот детям нужна помощь, потому что они не все могут сделать сами. В этом доме ты в безопасности и можешь делиться всем, что тебя беспокоит. Дядя Леша обязательно тебе поможет, — делаю паузу и добавляю нерешительно: — И я тоже тебе помогу всем, чем могу.

Карина молчит, но хотя бы уже не плачет. Заручиться ее доверием будет совсем непросто, я это понимаю. Но это пока не самое главное. Гораздо важнее, чтобы она для начала просто перестала бояться быть собой — чувствительной и слабой девочкой, нуждающейся в тепле и заботе.

Заканчиваю с расчёсыванием волосиков и заплетаю два тугих колоска:

— С прической мы закончили, осталось только одеться.

— Моя одежда стирается, — тихонько отзывается Карина.

— Знаю. Но у меня осталось красивое праздничное платье от моей дочки. Может, хочешь его примерить? — предлагаю я, отвлекая девочку от грустных мыслей.

— Хочу, — отрывается от медведя и часто кивает. — А ваша дочка не будет против?

— Не будет, — улыбаюсь я и поднимаюсь с дивана, заывая за собой Карину. — Она уже давно выросла из него.

Карина спрыгивает с дивана и босыми ногами шлепает за мной. Вообще я почти все Юлины вещи отдала в пункт помощи малообеспеченным семьям. Но несколько красивых вещичек, которые ассоциируются у меня с чем-то особенным, я приберегла на память.

Снимаю с верхней полки большой вакуумный пакет и достаю из него бледно-розовое платье с атласным верхом и пышной юбкой-пачкой. Помогаю Карине надеть наряд и потуже завязываю пояс, потому что в талии немного широковато.

— Это я такая красивая? — пискляво произносит Карина, глядя на свое отражение, и ее глаза начинают блестеть от слез.

— Тебе, правда, нравится? — улыбаюсь ей сквозь отражение.

— Очень. Спасибо! — всхлипывает она и бросается меня обнимать.

Улыбаюсь сама себе, чтобы отвлечься от боли, пронзающей душу острыми иглами, и нерешительно прижимаю Карину к себе.

Слышу, как хлопает входная дверь и осторожно отстраняюсь.

— Дядя Леша пришел. Я пойду его встречу, а ты можешь пока остаться здесь и полюбоваться на себя в зеркало.

С широкой улыбкой Карина кивает, и я ухожу из комнаты, спускаюсь на первый этаж.

— Как все прошло? — сухо интересуюсь у мужа.

— Она согласилась на лечение. Завтра поеду оформлять документы на временную опеку Карины. Она будет жить с нами, пока Лиза...

— Не с нами, а с тобой, — прерываю его. — И на твоём месте я бы задумалась над удочерением, а не опекой. Но это решать только тебе, меня это не касается.

— Как раз тебя это и касается, — строго произносит Леша. — Я понимаю твои переживания, Катюш, и не собираюсь настаивать на том, чтобы Карина навсегда осталась с нами.

— С нами, — повторяю я и грустно усмехаюсь. — Нет больше нас, Алексей. Так что думай теперь только о себе и дочери, а с собой я как-нибудь сама разберусь.

— Не разберёшься! — взрывается он моментально. — Ты носишь моего ребенка, Катерина! Так что ты просто не имеешь права решать только за себя.

Глава 12

Карина для меня не корень зла, и я не собираюсь от нее открещиваться. Более того, я хочу подарить ей заботу, поддержку и чувство защищенности, чего сама в детстве не имела.

Но я не могу просто согласиться с Лешей и сказать: «Да, конечно, пускай Карина остается с нами». Это неправильно по отношению ко мне. Я должна защитить свои интересы и заставить Лешу осознать, что ему необходимо самостоятельно нести ответственность за свои поступки и своего ребенка. Сам Леша этого пока, очевидно, не понимает.

И мне вся эта ситуация напоминает случай из детства Юли. Она притащила с улицы котенка, потому что пожалела его, говорила, что сама будет о нем заботиться. Я проявила сочувствие и к котенку, и к дочке, хотя изначально понимала, что животным буду заниматься только я.

Котенка я выходила. Правда, пришлось потом отдать его в хорошие руки, потому что у Юли началась аллергия, но это не суть. Главное то, что Леша сейчас пытается сделать то же самое, что сделала моя дочь в детстве.

Да, он уже думает о том, как будет оформлять документы на Карину, как будет пытаться сделать из его матери человека...

Но даже к этому он пришел с моей подсказки. А дальше

что будет? Он об этом подумал? С кем будет его дочь, пока он на работе? Кто будет кормить ее, гулять с ней и лечить, если она заболит?

Жена, конечно. Кто же еще? Ведь женщина занимается домом и детьми, а мужчина зарабатывает деньги. Вот только в его голове не срабатывает мысль, что Карина — не мой ребенок, и я не обязана ею заниматься.

И именно это мне и нужно до него донести. А что я сама решу и буду ли участвовать в жизни Карины — это уже только мое решение, от которого Леша вообще не должен отталкиваться.

Но вместо того, чтобы хотя бы кивнуть и ответить, что понимает всю ответственность и будет заниматься Кариной, он просто ставит меня перед фактом того, что теперь мы будем жить все вместе, как одна дружная семья. И даже не потому, что он меня любит и не хочет терять. Его заботит лишь то, что я ношу его ребенка!

— А ты, значит, имеешь право решать за меня? — хмыкаю я на резкое высказывание Леша. — Ты сообщаем мне о своей измене, приводишь в дом нагулянную дочь, а я должна просто молча согласиться со всем этим?

— Не молчи, Катя, высказывайся, кричи! Только не нужно говорить мне тут о разводе.

— Во-первых, я не кричала и даже не произносила слово «развод». Хотя именно это логичнее всего после произошедшего.

— А я не вижу логики, — хмыкает Леша. — Между нами ничего не изменилось. Мы семья, Катя, и уже очень много лет вместе. Мы по-прежнему любим друг друга и ждем ребенка. Ты хочешь одним легким движением просто перечеркнуть всю нашу жизнь? Да, возникла временная трудность, которую нам нужно просто пережить. Но позже ведь Карина уедет к матери, а мы с тобой вернемся к прежней жизни.

— Наверное, если бы я сейчас говорила со стеной, было бы больше толку, — качаю я головой и растираю пальцами пульсирующие виски. — Ты как будто вообще ничего не осознаешь! Почему ты считаешь, что я должна принять твою измену и сохранить наш брак только потому, что я беременна?

— Потому что, — звучит железный аргумент, от которого хочется уже головой биться о стену. — Да, я ошибся! Но давно все осознал. Зачем нам рушить семью из-за того, что произошло по глупости много лет назад? Если бы я сам тебе не рассказал, то ты бы никогда не узнала.

— Но ты рассказал! И я не воспринимаю это как что-то давнее. Это ты уже все пережил и забыл, а для меня это произошло только сегодня!

— Я понимаю, понимаю, — кивает он и тянется меня обнять, но я отступаю.

— Ничего ты не понимаешь, совершенно. Ты даже не понимаешь того, что должен сам заниматься своим ребенком! Ты просто собираешься спихнуть ее на меня!

— Не выдумывай, — строго осекает меня Леша. — Я не говорил этого и даже не планировал так поступать. А ты уже сама сделала какие-то выводы.

— Правда? — усмехаюсь я. — Завтра ты поедешь оформлять документы на Карину. С кем она останется? А что насчет работы? Будешь брать ее с собой?

Леша стискивает челюсти, покачивая головой, и изучает потолок. Всем своим видом он намекает, что я якобы говорю какую-то ерунду.

— Кать, вот ты зачем все усложняешь? — возвращает взгляд на меня и щурится. — Я только что вернулся домой. Когда я должен был решить этот вопрос? Да даже не решить, а сообщить тебе!

— Да если бы я сейчас не сказала об этом, то ты за данность бы принял, что она будет находиться со мной! Еще скажи, что это не так.

— Нет, совершенно не так. Я уже думал о том, что для Карины нужно нанять няню. Но ты хочешь окончательно выставить меня конченным идиотом! Будто мне вообще насрать на тебя и твое мнение. Но уверяю тебя, моя дорогая, это не так. Прекрати уже себя накручивать.

— Подумал, значит? Ладно, — поджимаю губы и скреещаю руки на груди. — А о чем ты еще подумал? Перед отъездом ты не забыл несколько раз упомянуть, что у Карины сегодня день рождения. Может, торт и угощения для праздничного стола остались в багажнике машины?

— Да Ёшкин кот! Я при таких обстоятельствах должен был еще и о торте подумать? Ты уж определись, Кать, плевать тебе на Карину, или нет! А то ты мне тычешь в нос тем, что ребенок вообще тебя не касается, а теперь предъявляешь за ерунду какую-то!

— Я ни разу не сказала, что мне плевать на Карину, — отзываюсь тихим, но суровым тоном. — Она всего лишь беззащитный ребенок, которому очень не повезло с родителями.

— Тогда я вообще тебя не понимаю, — вздыхает муж и разводит руками. — Тебе на нее не все равно, но помогать с ней ты не хочешь.

— Да что буду делать я, это вообще мое личное дело! Я никого не спрашиваю, когда отношу одежду и продукты в пункт поддержки малоимущих. Я просто делаю, и все! Помогаю чужим мне людям, потому что хочу так, а не из-за того, что это моя обязанность. И никто из них не приходит ко мне жить! — облизываю пересохшие губы и устало опускаюсь на диван. — Я уже не знаю, как тебе донести свою мысль... Я пытаюсь тебе объяснить, что ты должен в первую очередь думать о том, как сам будешь заниматься Кариной, при этом полностью вычеркивая меня из своих планов.

— Понял. Сидеть с ней и кормить ее обедом — это проблема. Но отсутствие торта тебя очень взволновало.

— Боже, ты невыносим! — вскакиваю с дивана и собираюсь уйти. — Что ты вообще прицепился к этому торту? Надо было промолчать? Хорошо, я больше ни слова тебе не ска-

жу. Хотя... Нет, скажу напоследок. В нашем доме нет чистых вещей твоей дочери. Вообще никаких нет! Об этом ты хотя бы подумал?

Молчит, в изумлении уставившись на меня.

— Что и требовалось доказать, — устало усмехаюсь и иду в ванную проверить, высохла ли одежда Карины.

Все уже постиралось и высохло, поэтому забираю вещи и поднимаюсь в спальню. Карина сидит на краю постели и болтает голыми ногами, уставившись в пол.

— Одежда уже постиралась и высохла. Вот, надевай трусики и колготки. А потом сходим в магазин и выберем торт.

— Торт? — вскидывает на меня удивленный взгляд.

— У тебя же сегодня день рождения, — мягко улыбаюсь девочке. — Надо это как-то отпраздновать.

Карина кивает и принимается натягивать одежду, а я тем временем нахожу Юлин детский кардиган. Он, конечно, размером еще больше, но сверху накинуть что-то надо.

— Я слышала, как вы ругались с дядей Лешей, — робко произносит Карина, задрав платье и натягивая на попу колготки. — Это из-за меня?

— Не совсем, — нервно потираю лоб и ищу подходящие слова.

Она наверняка слышала свое имя и отдельные фразы на свой счет. Так что нужно это как-то объяснить.

— Просто дядя Леша принял решение о том, что ты временно поживешь здесь, — поясняю я. — Но он пока не по-

думал над тем, кто с тобой будет сидеть дома, пока он на работе.

— А вы тоже работаете? — спрашивает Карина и смотрит на меня взглядом, закрадывающимся в душу. — Мне с вами нравится. Но я могу и одна дома быть. Мама часто оставляет меня одну.

— Это неправильно, когда маленькая девочка остается одна дома, — вздыхаю я и помогаю надеть Карине кардиган, а затем подкатываю длинные рукава. — Но ты не думай об этом, взрослые все сами решат. Тем более у тебя сейчас есть более ответственная задача — выбрать себе тортик.

Карина широко улыбается, оголяя зубки и морща нос. Уверенно хватает меня за руку и ведет из комнаты.

— А куда вы собрались? — хмурится Леша, заметив Карину. — Это Юлино платье?

— Юлино. И мы идем в магазин за тортом, — с упрёком смотрю на мужа и натягиваю кеды.

— Я с вами, — кивает он и тоже начинает обуваться.

Замечательно. Только этого мне сейчас не хватало. Прямо дружная семейная вылазка из дома...

Глава 13

Осознание реальности бетонной плитой ложится на мою грудь, едва я успеваю проснуться следующим утром. Мой брак превращается в пепел после вчерашнего пожара, который Леша сам и развел.

Вчера он лег в гостевой комнате, и мне даже его просить об этом не пришлось. Поэтому я одна в своей постели, которую прежде делила с мужем половину своей жизни.

Мне просто невыносимо осознавать, что жизнь уже не будет такой, как раньше. Хотела бы я, чтобы муж навсегда сохранил свою тайну? Наверное, да. Потому что тогда бы мне ничего не пришлось делать и менять. Я бы лучше жила в счастливом неведении, как и последние шесть лет. А теперь... Теперь я не знаю, что делать.

Мне страшно оставаться одной. Страшно перечеркивать все годы, что мы провели вместе с Лешей, и начинать все заново. Боюсь, что не смогу. И не хочу...

Мы столько всего пережили... Да, была не только радость, не только счастливые моменты. Я была свидетелем взлетов и падений в карьере мужа и никогда не оставалась безучастной. Я переживала кризисы в наших отношениях и его личные тоже.

Не всегда отношения были медом, и иногда сохранить их и укрепить было большим трудом. А теперь получается, что

все это было пустим и напрасным?

Я не заслуживаю все этого. Не могу просто взять и молча проглотить измену мужа, от которой на свет появилась его внебрачная дочь. Но и развода не хочу. Или просто боюсь неизвестности, которая ждет меня впереди.

Помимо восемнадцати лет брака, совместного быта и взрослой дочери, у нас еще есть нарождённый малыш. Смогу ли сама дать ему все, в чем он будет нуждаться? Потяну ли я одна растить ребенка в своем уже неюном возрасте?

Дышать трудно. Голова гудит от мыслей и вопросов, на которые у меня нет ответов и каких-то вразумительных решений.

Кое-как я сгребаю себя в кучу, умываюсь и иду на первый этаж. Карина уже не спит и играет со своим медведем. Под потолком парят воздушные шарики, которые Леша вчера купил вместе с тортом.

— Привет, — протягиваю я, привалившись к комоду. — Дядя Леша уже ушел?

Вчера я все-таки решила пойти мужу навстречу и побыть с Кариной, пока он будет заниматься документами и поисками няни.

— Доброе утро, — улыбается она и спрыгивает с дивана. — Пойдемте завтракать?

— Идем. А дядя Леша не оставил для тебя завтрак? — хмурюсь я.

Уж это он мог хотя бы сделать?

— Почему? Оставил, — уверенно кивает Карина и берет меня за руку. — Но я не хотела кушать одна. Вас ждала.

Похоже, Карина успела ко мне привязаться, как и я к ней. И это плохо для нас обеих.

На обеденном столе бутерброды и вчерашний торт. Не особо Леша старался, но хоть что-то.

Готовлю для нас две чашки чая и сажусь за стол вместе с Кариной.

— А у тебя есть дедушка с бабушкой? Может, тетя? — интересуюсь у девочки, впервые задавшись этим вопросом.

— Только мама, — пожимает плечами и кусает бутерброд.

Ну, вполне ожидаемо. Но узнать все же стоило.

— А в садик ты ходишь?

— Не-а. Раньше ходила, но потом мама перестала меня водить. Сказала, что мне там делать нечего.

— А тебе там нравилось?

— Не очень, — она опускает взгляд и поджимает губы. — Меня там обижали и обзывали. Потому что я не такая, как все.

— Что за глупости? — хмурюсь я. — Ты такая же, как и все дети. Кто тебе сказал, что ты какая-то не такая?

— Так все дети говорили. И воспитательница, — пожимает она плечами. — Потому что мы с мамой бедные. И папы у меня нет.

— А мама тебе вообще что-то говорила про твоего папу?

— Сказала, что его нет, — уверенно отвечает Карина, до-

жеваяя бутерброд. — Но все говорят, что такого не бывает, и у каждого человека есть и мама, и папа, — смотрит на меня задумчиво и робко спрашивает: — А можно уже кушать тортик?

— Конечно, — выдыхаю я и придвигаю к Карине тарелку. — Да, все верно, у всех есть папа и мама, но не всегда они живут рядом со своим ребенком. Скажи, а ты хотела бы узнать, кто твой папа?

Карина задумчиво смотрит на меня, скривив губы в бок, и выдает:

— Не-а, не хочу. Раз я ему не нужна, то и он мне тоже.

Мудрое умозаключение для маленькой девочки. Хотя и возникло наверняка с подачи взрослого.

— Почему думаешь, что ты ему не нужна? А если это не так?

— Не нужна, — повторяет уверенно и качает головой, уплетая торт. — Он же никогда не приходил ко мне. Значит, я ему не нужна.

— Ну, может, он просто о тебе не знал, — протягиваю я, пожимая плечами.

Боже мой, зачем я в это лезу? Для чего заведомо оправдываю Лешу и готовлю Карину к известию о том, что он ее папа? Этим сам Алексей должен заниматься.

— Все равно не хочу, — спустя минуту раздумий, отвечает Карина. — Вдруг он плохой, и станет меня обижать?

— Никто тебя больше обижать не будет, — заверяю ребен-

ка.

Мне очень хочется надеяться, что я смогу сдержать свое слово.

— Я вам верю, — широко улыбается девочка перепачканным в креме ртом. — Вы хорошая. А хорошие никогда не обманывают.

Да, я хорошая. А вот мой муж нет. От его обмана пострадали все вокруг, и бедствие еще не закончилось. Как наша Юля отреагирует, когда узнает про Карину? Точно не обрадуется.

Убираю со стола после завтрака, а затем перемещаюсь в гостиную, чтобы навести порядок и там. Карина тем временем стаскивает медведя с дивана и усаживается вместе с ним на ковре.

— Помогите мне придумать медведю имя, — просит она, уставившись на меня огромными глазенками.

— Ну, даже не знаю, — задумчиво протягиваю я, вытирая столешницу тряпкой. — Тебе какие имена нравятся? Миша? Может, Кирюша?

— Нет, я не хочу обычные имена. Хочу что-то особенное. Задумываюсь ненадолго.

— Знаешь, у моей дочки был маленький мишка, с которым она спала все детство. Его звали Пуся.

— Пуся? — удивленно протягивает Карина.

— Да, странноватое имечко, — усмехаюсь я. — Зато необычное, как ты и хотела.

— Мне нравится, — широко улыбается девчушка. — Назову его Пуся старший. Он ведь большой уже.

Только открываю рот, чтобы ляпнуть что-нибудь шуточное, как входная дверь хлопает так, что потолок начинает трястись. Вздрагиваем вместе с Мариной и смотрим друг на друга испуганно.

— Сиди здесь. Я сейчас приду, — тараторю я и шагаю в коридор. — Леша? Это ты?

— Я, — глухо отзывается он.

— Ты чего так дверью хлопаешь? Напугал нас.

— Извини, случайно вышло, — виновато произносит муж и будто по инерции тянется к моей щеке, чтобы поцеловать, но замирает в нескольких сантиметрах от меня.

Поджимаю губы и делаю шаг назад.

— Что случилось? — спрашиваю со вздохом. — Судя по твоему скорому возвращению, документы ты не оформил.

— Да набухалась она опять, — выплевывает Леша. — Вхламину просто! А я ведь просил ее сегодня не пить. Как с такой ехать куда-то?

— Ты такой наивный, — качаю головой с усмешкой. — Попросил алкоголика не пить... Ты, и правда, на что-то вразумительное рассчитывал от нее?

— Да мы же договорились вчера, — цедит он по слогам. — Она обещала!

— Ну понятно. И что теперь собираешься делать?

— Да я вообще ума не приложу, — нервно трет переноси-

цу и опускается на пуфик. — Через суд будет слишком долго. А как еще поступить? Пьяную ее отвезти на оформление?

— Если честно, то мне уже кажется, что вся эта затея совершенно бессмысленная, — вздыхаю я, сложив руки на груди. — Она даже после лечения может вернуться к алкоголю. А даже если и не вернется... Я не уверена, что Лиза станет примерной матерью.

— И что ты предлагаешь? — Леша вскидывает на меня удивленный взгляд. — Забрать Карину насовсем?

— Ничего я не предлагаю, это вообще не мое дело. Но на твоём месте я бы удочерила Карину и не думала о том, чтобы возвращать ее матери.

— А еще вчера ты говорила, что ей нужна мать, — хмыкает Леша.

— Я побыла с девочкой, пообщалась с ней и изменила свое мнение. Но я повторяю, это не мое дело. Ты должен сам принимать решение. Возможно, я ошибаюсь.

— Я не хочу ее воспитывать, Катя. Потому что знаю, что ты не примешь Карину в нашу семью. А я хочу быть с тобой.

— А у меня ты не забыл ничего спросить? — веду я бровью. — Ты так уверен, что я хочу оставаться с тобой? Или считаешь, что если достаточно долго будешь давить на меня и диктовать свои условия, то я в конечном итоге на все соглашусь?

Муж хмуро смотрит на меня, а я отчетливо читаю в его глазах ответ «да».

— Я так и думала, — качаю головой, сцепив челюсти. — Не питай напрасных иллюзий, Леш. Между нами все конечно. Просто уйти из моей жизни и не возвращайся. Избавь меня от того кошмара, который ты устроил сам.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.